

ПОЧЕМУ МЫ — РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ?

Выше мы показали (по крайней мѣрѣ, надѣмся, что показали), что всѣ люди безъ исключенія имѣютъ право на свободное развитіе и на полное удовлетвореніе своихъ потребностей, и что государственная власть, собственность и другія учрежденія, созданныя эксплуатирующимъ классомъ для защиты своихъ привиллегій, основанныхъ на ограбленіи массы, не имѣютъ никакого права на существованіе. Намъ остается теперь рассмотреть пути къ уничтоженію того порядка вещей, на который мы нападаемъ, и къ осуществленію желательнаго намъ общественнаго строя; вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны показать и наше право употреблять тѣ или пныя средства, потому что очень многіе, вполне соглашаясь съ нашей критикой современнаго строя, вполне сочувствуя нашему идеалу гармоническаго общества, не могутъ однако примириться съ мыслью объ употребленіи силы и думаютъ, что лучше было бы дѣйствовать постепенно, стараясь повліять на людей исключительно силой убѣжденія, что слѣдовало бы исправлять современное общество мало по малу.

Въ природѣ, говорятъ намъ, все видоизмѣняется путемъ эволюціи, почему же вы не признаете того же самаго въ общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочнаго не создавъ, а главное. — рискуете погибнуть сами, вызвать реакцію тѣмъ болѣе сильную, чѣмъ сильнѣе было революціонное движеніе, и такимъ образомъ задержать на нѣсколько столѣтій общественный прогрессъ.

Эти возраженія, исходящія отъ добросовѣстныхъ людей, руководимыхъ искреннимъ желаніемъ выяснитъ вопросъ, опираются на соображенія, съ перваго взгляда кажушіяся справедливыми, а потому заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться.

Дѣйствительно, все въ природѣ происходитъ путемъ медленной эволюціи, путемъ цѣлаго ряда мелкихъ измѣненій, незамѣтныхъ, если слѣдить за ними постепенно, и бросающихся въ глаза только при рѣзкомъ переходѣ отъ одного періода къ другому. Такъ именно развилась жизнь на нашей планетѣ; такъ выдѣлился человѣкъ изъ животнаго міра, такъ сталъ человѣкъ

нашего времени совершенно непохожимъ на человѣка каменнаго вѣка.

Но тутъ упускается изъ виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюція происходила совершенно равно, нужно, чтобы она не встрѣчала на своемъ пути никакихъ препятствій; въ противномъ случаѣ, если она обладаетъ достаточнымъ для этого запасомъ силъ, она разрушаетъ эти препятствія, если же нѣтъ — то останавливается сама. Всякій разъ, когда между чѣмъ-нибудь, уже существующимъ, и стремленіемъ впередъ происходитъ столкновение, мы имѣемъ передъ собою революцію, каковы бы ни были размѣры даннаго явленія — будетъ ли это исчезновеніе цѣлаго материка или исчезновеніе одной частицы въ организмѣ.

Въ настоящее время выяснено, что крупные геологическіе перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясеніями и не внезапными перемѣнами, якобы происходившими подъ напоромъ силъ, скрытыхъ подъ земной корою, а представляютъ собою результатъ медленныхъ процессовъ и незамѣтныхъ измѣненій, дѣйствовавшихъ въ теченіе цѣлыхъ тысячъ вѣковъ. Мы знаемъ также, что тѣ же причины, которыя придали землѣ ея современный видъ, продолжаютъ дѣйствовать и теперь, постепенно подготавливая новыя преобразованія.

Повсюду дождевая вода размываетъ горы, просачивается въ камни, разрушаетъ самый крѣпкій гранитъ. Ничто не дѣлаетъ этой медленной разрушительной работы замѣтной для взора путешественника; цѣлыя поколѣнія сойдутъ со сцены прежде, чѣмъ появится хотя бы сколько-нибудь ощутительное измѣненіе, и тѣмъ не менѣе въ одинъ прекрасный день прозойдетъ обвалъ, который унесетъ съ собою лѣса и деревни, засыплетъ русла рѣкъ, измѣнитъ ихъ теченіе и распространитъ повсюду горе и опустошеніе. Но затѣмъ первое впечатлѣніе пройдетъ, жизнь снова возьметъ свое, и еще сильнѣе, еще энергичнѣе возродится изъ развалинъ.

Вся эта эволюція происходитъ конечно очень медленно, но приходитъ такой моментъ, когда она не можетъ продолжаться иначе, какъ при условіи нарушенія существующаго порядка вещей; она продолжаетъ свой путь — и гора, подмытая въ самомъ основаніи, рушится, унося съ собою все, что находится на ея поверхности.

Возьмемъ другой примѣръ. Мы знаемъ, что море удаляется

сть однихъ береговъ и, наоборотъ, все ближе и больше затопляеть другіе. Волны набѣгаютъ на плоскій берегъ, отрываютъ куски отъ почвы, завоеывая себѣ, такимъ образомъ, все большее пространство, а затѣмъ эти же самые куски почвы уносятся къ другимъ берегамъ и тамъ, наоборотъ, увеличиваютъ область суши на счетъ моря. Работа эта происходитъ такъ медленно, что ее почти невозможно замѣтить: втеченіе столѣтія такимъ образомъ уносится всего нѣсколько сантиметровъ земли. И однако придетъ моментъ — можетъ быть, черезъ десять, можетъ быть, черезъ сто тысячъ лѣтъ, не все ли равно? — когда стѣна суши не сможетъ больше сдерживать напоръ волнъ; она поддастся тогда подъ какимъ-нибудь однимъ ударомъ, и море наводнитъ прибрежную равнину, черная новыя силы во встрѣчающихся препятствіяхъ, пока не остановится у подножія какой-нибудь новой преграды, которая снова задержитъ его на болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходитъ и въ нашихъ обществахъ. Общественная организація и созданныя для ея поддержки учрежденія являются преградами для прогресса; въ обществѣ же, напротивъ, все стремится къ разрушенію этихъ преградъ: идеи измѣняются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уваженіе къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и хотятъ продолжать управлять по-прежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа можетъ быть незамѣтной для поколѣнія современниковъ. Отъ времени до времени исчезаютъ нѣкоторые прежніе обычаи или ослабѣваетъ какой-нибудь предразсудокъ, но это подготавливается такъ постепенно, что никто этого не замѣчаетъ; только старики, сравнивая привычки своей юности съ привычками смѣняющаго ихъ молодого поколѣнія, видятъ происшедшее въ нравахъ измѣненіе.

Но измѣнились только нравы, а общественныя учрежденія и общественная организація остались тѣ-же: они по-прежнему задерживаютъ напирющія на нихъ волны, которыя въ безсплн разбиваются у ихъ подножья, лишь то здѣсь, то тамъ отнимая по камню. Этихъ камней волны въ своемъ бѣшенствѣ могутъ оторвать цѣлыя тысячи. Что такое отдѣльный камень въ сравненіи съ могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносятъ этотъ камень съ собою и, вновь напирая на камен-

ную преграду, бросают пмъ въ нее, бьютъ пмъ въ стѣну, какъ тараномъ, и отрываютъ еще пѣсколко камней, которые, въ свою очередь, превратятся въ новыя орудія нападенія. Борьба можетъ продолжаться тысячи лѣтъ, и скала будетъ казаться все такою же неприступною вплоть до того дня, когда, подрывая у самаго своего основанія, она рухнетъ подъ новымъ напоромъ и дастъ широкій доступъ торжествующимъ волнамъ.

Мы, несомнѣнно, были бы очень рады, если бы общественная эволюція совершалась медленно, непрерывно и безъ потрясеній; но это отъ насъ не зависитъ. Мы, какъ пропагандисты, исполняемъ свою задачу, проповѣдуемъ идеи общественного обновленія, а эти идеи составляютъ ту каплю, которая просачивается въ камень, долбитъ его и прокладываетъ себѣ дорогу къ самому подножью скалы. Можемъ ли мы помѣшать этой скалѣ рухнуть и унести съ собою всѣ тѣ подпорки, которыя вы построили для ея укрѣпленія?

Никто, кромѣ буржуазіи, не заинтересованъ въ томъ, чтобы общественное преобразованіе совершилось безъ потрясеній. Почему же, въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы пытаться сохранить скалу въ томъ видѣ, какъ она есть, и постепенно подпирать ее, она, наоборотъ, не поможетъ намъ срыть ее и устроить такъ, чтобы воды могли спокойно течь къ плоскимъ равнинамъ, унося съ собою негодныя или вредныя части, которыя затѣмъ образуютъ отложенія на этихъ равнинахъ и послужатъ къ возвышенію ихъ уровня? Безумцы! Они не хотятъ уступить ни малѣйшей доли своихъ привиллегій; какъ скала, они считаютъ себя неуязвимыми для направленныхъ на нихъ волнъ. Что значать для нихъ тѣ немногія уступки, которыя рабочимъ удалось съ трудомъ вырвать въ теченіе столѣтій? Ихъ привиллегіи такъ громадны, что опустошеніе почти незамѣтно. Но волны уже пробили брешь, уже борются со скалою съ помощью отъ нея-же оторванныхъ камней и скоро окончательно разрушатъ ее. Мы только содѣйствовали этой эволюціи; если же, благодаря безумному сопротивленію буржуазіи, она превратится въ революцію, пусть пеняютъ на себя.

И, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ намъ только посмотрѣть безпристрастнымъ взглядомъ на окружающія насъ общественныя явленія, чтобы увидать, что анархисты становятся революционерами только въ силу естественнаго хода вещей. Они убѣдились въ томъ, что причина всѣхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ

общество, лежитъ въ самой его организаціи, и что всѣ паліативы, предлагаемые политиками и социалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшеніе, потому что они уничтожаютъ только внѣшнія проявленія, а не самый корень зла.

Когда человѣкъ сытъ, когда его потребности болѣе или менѣе удовлетворены, то ему легко ждать; но тотъ, кто испытываетъ и физическій и умственный голодъ, не можетъ, разъ только онъ понялъ причину существующаго зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будетъ всегда стремиться перейти отъ теоретическихъ соображеній къ практическому дѣлу.

Развѣ твердо убѣжденный въ чемъ-нибудь человѣкъ не стремится всегда проповѣдывать свое убѣжденіе, проводить его въ жизнь? Развѣ можетъ человѣкъ, вполне убѣжденный въ истинности какой-нибудь идеи, не стараться убѣдить въ томъ же и другихъ, а въ особенности — не стараться осуществить ее, согласуя съ ней свою личную жизнь? А что такое, въ современномъ обществѣ, проведеніе въ жизнь новыхъ идей, какъ не революціонное дѣло? Какъ же вы хотите, чтобы тѣ самые люди, которые сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, для распространенія новыхъ идей, которые старались показать и причины общественнаго зла и средства къ его устраненію, старались нарисовать идеаль лучшаго будущаго, — чтобы эти самые люди стали поперекъ дороги тѣмъ, кто стремится осуществить эти идеи на практикѣ, чтобы они сказали имъ: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущаго счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпѣніемъ: когда-нибудь ваши эксплуататоры согласятся, можетъ быть, сдѣлать вамъ нѣкоторыя уступки». Это было бы ничѣмъ инымъ, какъ жестокой насмѣшкой.

Конечно, мы были бы рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положенія, сами отказались отъ эксплуатаціи рабочихъ и передали свои фабрики, дома, земли и копи въ руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и замѣнило бы царство конкуренціи царствомъ солидарности. Но можно ли серьезно надѣяться на то, что капиталисты дойдутъ когда бы то ни было до такой степени безкорыстія, когда мы видимъ, что они направляютъ всю силу своего войска, своей полиціи и своихъ судовъ на подавленіе самыхъ ничтожныхъ требованій рабочихъ?

Теоріи, мечты о лучшемъ будущемъ — прекрасная вещь:

но если бы оппозиція существующему строю сводилась къ салонной филозофiи или къ послѣобѣденнымъ разговорамъ сытыхъ людей, если бы все ограничивалось бесплодными жалобами на современное положеніе вещей и мечтаніями о будущемъ благѣ, то мы были бы очень похожи на того сытаго филантропа, съ туго набитымъ кошелькомъ, который говоритъ умирающему съ голода бѣдняку: «Мнѣ отъ души жалко васъ, ваша судьба озабочиваетъ меня въ высшей степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положеніе улучшилось; а пока — будьте бережливы и постарайтесь скопить себѣ на черный день», а затѣмъ проходить мимо, вполне довольный собою. Если бы это дѣйствительно было такъ, то буржуазія могла бы рассчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочихъ, а рабочіе еще не скоро увидали бы конецъ своей нуждѣ и страданіямъ.

Къ счастью, отъ идейныхъ стремленій до попытки ихъ осуществленія, какъ мы видѣли, — одинъ шагъ, и многія человѣческія натуры очень склонны этотъ шагъ сдѣлать; а такъ какъ теорія анархизма есть теорія дѣятельная, то эти революціонныя натуры встрѣчаются чаще въ средѣ анархистовъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой. Отсюда тѣ многочисленныя революціонныя акты, которые такъ пугаютъ робкіе умы, по которымъ для насъ служатъ лишь доказательствомъ развитія нашихъ идей.

Проповѣдывать жертвамъ эксплуатаціи покорность судьбѣ значило бы способствовать эксплуататорамъ; мы предоставляемъ эту роль христіанству. Ни примиреніе съ дѣйствительностью, ни платоническія надежды не могутъ измѣнить положенія: для этого нужно дѣло, а самое лучшее дѣло, это — устраненіе стоящихъ на пути препятствій.

Довольно уже люди преклонялись передъ властью пущими, довольно они ждали спасенія отъ свыше посланныхъ личностей, довольно рассчитывали на чисто политическіе перевороты, на дѣйствіе законовъ. Осуществленіе нашихъ идей на практикѣ требуетъ людей сознательныхъ, понимающихъ свою силу, умѣющихъ заставить уважать свою свободу, не становясь въ то же время тиранами другихъ, — людей, которые не рассчитываютъ ни на кого, кромѣ себя самихъ, своей собственной инициативы, своей собственной энергіи. А эти люди явятся только тогда, когда мы будемъ проповѣдывать не примиреніе съ существующимъ, а, наоборотъ, протестъ противъ него.

Это не значить, однако, что анархисты отказываются отъ содѣйствія тѣхъ, которые не склонны къ активной борьбѣ, а хотятъ ограничиться исключительно распространеніемъ идей, подготовленіемъ дальнѣйшей эволюціи; они даже не требуютъ, чтобы всѣ ихъ идеи были непримѣнно восприняты цѣлкомъ. Въ ихъ область входитъ все, что уничтожаетъ какой-нибудь предрасудокъ, устраняетъ какой-нибудь ложный взглядъ, устанавливаетъ какую-нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегаютъ ничьей помощью, не отталкиваютъ никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто можетъ дать имъ что-нибудь новое; они довольствуются тѣмъ, что соединяютъ въ одно отдѣльныя усилія и обобщаютъ отдѣльныя стремленія, чтобы дать людямъ возможность разобраться въ ихъ собственныхъ желаніяхъ.

Наконецъ, если бы даже они этого захотѣли, анархистамъ невозможно оставаться мирными дѣятелями: силою вещей они приходятъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Можетъ ли выносить хотя бы придирки полицейскаго тотъ, кто разъ понялъ, какую низкую роль онъ играетъ? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священнаго ореола, окружавшаго его раньше? Можно ли относиться съ уваженіемъ къ богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой онъ живетъ, соткана изъ нищеты сотенъ семей?

Можетъ ли согласиться идти въ казармы, чтобы тамъ служить игрушкой въ рукахъ слугъ своихъ эксплуататоровъ, тотъ человѣкъ, который уже знаетъ, что патріотизмъ есть не болѣе, какъ предлогъ, а настоящая роль солдата — убійство его собратьевъ-бѣдняковъ?

Тотъ, кто понялъ, что бѣдность есть результатъ плохого общественнаго устройства, что одни умираютъ съ голоду только потому, что другіе слишкомъ сыты, или хотятъ накопить богатства для своихъ наслѣдниковъ, тотъ не легко согласится умереть гдѣ-нибудь на улицѣ. Приходитъ минута, когда, какъ бы человѣкъ ни былъ миролюбиво настроенъ, онъ отвѣчаетъ на силу — силой, на эксплуатацію — революціоннымъ актомъ.

Тѣмъ, кому хотѣлось бы, чтобы общество преобразовалось безъ всякихъ потрясеній, лучше разстаться съ этой мечтой: она неосуществима. Идеи развиваются и неизбежно ведутъ насъ къ революціи; объ этомъ можно сожалѣть, но это — фактъ, съ которымъ приходится примириться. Никакія сѣтова-

нія тутъ не помогутъ, а разъ уже революція неизбѣжна, то единственное средство помѣшать ей пойти противъ прогресса, это — принять въ ней участіе и постараться направить ее къ осуществленію нашего идеала.

Мы не принадлежимъ къ числу проповѣдниковъ насплія; мы не занимаемся п тѣмъ, чтобы постоянно ругать фабрикантовъ и капиталистовъ, какъ либеральныя буржуа когда-то постоянно ругали поповъ; мы не хотимъ толкать людей на то или другое дѣло, на тогъ или другой поступокъ. Мы убѣждены, что люди дѣлаютъ только то, на что твердо рѣшились сами, и что проповѣдывать какой-нибудь поступокъ можно только примѣромъ, а не словами и не совѣтами; вотъ почему мы ограничиваемся тѣмъ, что выводимъ извѣстныя логическія послѣдствія, предоставляя каждому выбрать тотъ способъ дѣйствія, который кажется ему наилучшимъ. Но мы увѣрены, вмѣстѣ съ тѣмъ, что чѣмъ лучше будутъ поняты и чѣмъ больше будутъ развиваться наши идеи, тѣмъ многочисленнѣе будутъ и акты революціоннаго протеста.

Чѣмъ глубже проникнуть наши взгляды въ массу, тѣмъ сознательнѣе она будетъ становиться, тѣмъ живѣе будетъ въ ней чувство собственного достоинства, и тѣмъ менѣе она, слѣдовательно, будетъ склонна переносить притѣсненія со стороны властей и эксплуатацію со стороны капиталистовъ; тѣмъ чаще и многочисленнѣе стануть въ ней проявленія духа независимости. И это не только не огорчаетъ насъ, но совершенно наоборотъ: каждый актъ индивидуальнаго протеста — лишній ударъ топора въ давящее насъ старое общественное зданіе. А разъ уже прогрессъ не можетъ обойтись безъ потрясеній и жертвъ, то мы можемъ только привѣтствовать тѣхъ, кто погибнетъ въ бурѣ, и надѣяться, что ихъ примѣръ вызоветъ новыхъ подражателей, болѣе многочисленныхъ и лучше вооруженныхъ, и что ихъ удары будутъ еще сильнѣе.

Но каково бы ни было число гибнувшихъ въ борьбѣ, это число все-таки очень мало въ сравненіи съ тѣми безчисленными жертвами, которыхъ постоянно поглощаетъ чудовищная пасть нашего общества. И чѣмъ напряженнѣе будетъ борьба, тѣмъ меньше будетъ ея продолжительность, а, слѣдовательно, тѣмъ больше окажется спасенныхъ человѣче-

скызъ жизней — жизней, которыя иначе были бы осуждены на нужду, болѣзнь, истощеніе и вырожденіе.

Глава XVII

ПРИНЦИПЫ И СРЕДСТВА БОРЬБЫ.

Намъ часто приходится слышать со стороны людей, во одушевленныхъ, быть можетъ, самыми лучшими намереніями, выраженія удивленія по поводу того, что анархисты отрицаютъ нѣкоторые приемы борьбы, какъ противные ихъ убѣжденіямъ. «Почему бы вамъ не попробовать, говорятъ одни, захватить въ свои руки власть, чтобы принудить общество къ осуществленію нашихъ идей на практикѣ?» «Почему, восклицаютъ другіе, вы не хотите послать своихъ представителей въ палату депутатовъ, или въ муниципальные совѣты? Они могли бы тамъ быть вамъ полезными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользовались бы большимъ авторитетомъ для распространенія вашихъ идей въ массѣ».

Съ другой стороны, нѣкоторые анархисты воображаютъ, что поступаютъ очень послѣдовательно, доводя свои разсужденія до абсурда и вырабатывая въ себѣ цѣлый рядъ понятій, рѣшительно не имѣющихъ ничего общаго съ анархическими идеями. Нѣкоторые, напримѣръ, начинаютъ, подъ предлогомъ разрушенія собственности, защищать воровство; другіе доходятъ въ своей проповѣди свободной любви до такихъ нелѣпостей, которыя они, не колеблясь, назвали бы развратомъ, если бы дѣло шло о какомъ-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это — тѣ, которые отрицаютъ всякіе принципы, считая ихъ предразсудками. «Что мнѣ за дѣло до принциповъ!» кричатъ они, «разъ дѣло идетъ о революціи — всѣ средства хороши, и намъ нечего останавливаться совершенно некстати изъ-за какихъ-то принциповъ».

Но это — большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумаютъ, то они сами быстро увидятъ, что не всѣ средства хороши для достиженія анархическаго идеала: есть и такія, которыя идутъ наперекоръ. Какой-нибудь приемъ борьбы можетъ иногда съ перваго взгляда казаться успѣшнымъ, въ дѣйствительности же онъ только задержитъ развитіе идеи, служа исключительно личнымъ интересамъ того или другаго дѣятеля. Поэтому — все равно признаемъ мы это или